

Философский ракурс

УДК 001.1

DOI 10.62139/2949-608X-2024-2-4-173-192

«Мы диалектику учили по Гегелю»: феномен гегелевских семинаров в советской философии науки

На страницах нашего журнала мы неоднократно обращались к теме феномена неформальных научных сообществ в СССР. Домашние семинары и кружки-«квартирники» особенно ярко проявились в философской среде, что было не удивительно, так как философия и философия науки, в частности, были наиболее подвержены влиянию идеологизации и, конечно, «диалектизации». Речь пойдет о гегелевских семинарах – «квартирниках», проходивших в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в Москве.

Велели нам
идти
под красный флаг
года труда
и дни недоеданий.
Мы открывали
Маркса
каждый том,
как в доме
собственном
мы открываем ставни,
но и без чтения
мы разбирались в том,
в каком идти,
в каком сражаться стане.
Мы
диалектику
учили не по Гегелю.
Бряцанием боев
она врывалась в стих,
когда
под пулями
от нас буржуи бегали,
как мы
когда-то
бегали от них.

В.В. Маяковский. «Во весь голос» (1929 г.)

“Our Dialectics Were Not Learned from Hegel”: The Phenomenon of the Hegelian Seminars in the Soviet Philosophy of Science (an Interview)

Natalia I. Kuznetsova

О том как и почему «поставивший все на голову» философ объединил юных «шестидесятников» и как это повлияло на развитие философии науки в СССР рассказывает участница трех гегелевских семинаров, доктор философских наук, главный научный сотрудник Отдела науковедения ИИЕТ РАН Наталия Ивановна Кузнецова.

Рис. 1. Н.И. Кузнецова
29 ноября 2024 г.

Наталия Ивановна, когда мы обсуждаем проблему «диалектизации естествознания» в советской науке и философии, невозможно не вспомнить про гегелевскую диалектику, которая, собственно, и была предшественником диалектического метода в трактовке Маркса и Энгельса. К тому же мы беседуем с Вами в преддверии юбилея Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, который будет отмечаться в 2025 году. В одном из личных разговоров Вы назвали его наследие «чемоданом без ручки»: и нести тяжело, и выбросить жалко. Почему Вы использовали такое выражение?

Н.И. Кузнецова: Честно говоря, я ни одной минуты не думала о юбилее Гегеля, но преодоление гегелевского, очень сильного следа в нашем отечественном философском мышлении – это довольно большая, сложная и неоднозначная история. Впрочем, так всегда бывает, когда осмысляешь прошлое, «бег времен». Тем более, мне кажется, что слово «

диалектика», которое сейчас в нашем философском сообществе фактически не употребляется, несправедливо «отменено». Зарубежные исследователи его постоянно используют, не считая скомпрометированным. Здесь, действительно, надо разобраться. Думаю, сам по себе сюжет с гегелевской диалектикой очень интересен, и историки пока не удостоили его должным вниманием, поэтому ваши вопросы имеют большое значение.

Гегель сначала необыкновенно очаровывает, а потом ужасно разочаровывает. Мы были мстительны, как это бывает с молодыми людьми, когда они понимают, что увлеклись не тем, чем бы «надо было». В сущности, так произошло и со мной, хотя отношение к Гегелю, поначалу очень серьезное и восторженное было характерно для студентов философского факультета послевоенного поколения (я училась на философском факультете МГУ с 1964 по 1970 г и отношу себя к поколению «шестидесятников» – студенчеству, которое развивалось в годы оттепели). Это было удивительное, творческое, интересное время, когда мы обрели какое-то новое дыхание, глоток свободы – настоящий пьянящий глоток свободы во многих отношениях. Были и косыгинские реформы, и движение гуманистической педагогики, взлет различных литературных дискуссий и поисков, и кино – человеческое, неповторимое, так непохожее на прежнее («Мне двадцать лет», «Июльский дождь», «Гамлет» Козинцева, с переводом текста Борисом Пастернаком). Вспоминаю Международные музыкальные конкурсы им. Чайковского (фортепиано, скрипка, виолончель, вокал), когда приезжали замечательные зарубежные исполнители, ... и Бог знает что еще! Лучшей газетой на тот момент, не только для молодых умов, была «Комсомольская правда».

В таком контексте почти с умилением вспоминаются те годы, когда развивался мой «роман» с Гегелем, который закончился потом жестоким разводом. Не знаю, какие еще страны или нации так увлекались Гегелем, как в России, – и в дореволюционные и в послереволюционные годы. Однако у студентов философского факультета МГУ в 60-е гг. XX в был нюанс: «Мы диалектику учили по Гегелю!» А это не тот Гегель, который был «влит» в диалектический материализм. «Диалектизация» отечественного мышления советского периода в марксистско-ленинском варианте произошла благодаря изданию «Диалектики природы» и всему марксистскому подходу к анализу логики развития мира, т.е. – природы, общества и мышления. Несомненно, на нашем поколении сказалось очень сильное интеллектуальное влияние «аутентичного» марксизма, поскольку мы, студенты, не просто должны были усваивать диалектический и исторический материализм по имеющимся советским учебникам, но и потому что должны были изучать классические труды Маркса и Энгельса. А они оба, прямо и ответственно скажу, – очень нетривиальные мыслители. По отношению к предшествующей философии они, в сущности, были «позитивистами». Для них наука была важнее философии, которая, как они весело и остроумно показали в «Немецкой идеологии», подвержена всякого рода «взбрыкам», т.е. философия могла становиться «превращенной формой» идеологии. Чего стоила их фраза из «Немецкой идеологии» (цитирую по памяти): «Философия и изучение действительности относятся друг к другу как онанизм и половая любовь!» Мы с восторгом обнаружили

крылатую фразу Маркса, которую он сказал своему зятю Полю Лафаргу: «Ясно одно, что сам я не марксист!»¹. И «злостных» сторонников диалектического и исторического материализма мы величали, вслед за Герценом, «марксидами».

При этом нельзя понять «Капитал» Маркса, если не понимаешь того метода, который стоит за этим построением, а Маркс использовал чисто гегелевский метод – «метод восхождения от абстрактного к конкретному».

Вы говорите о периоде «оттепели», условным символом которого в литературе стала публикация «Одного дня Ивана Денисовича». Если брать философскую или философско-научную литературу, есть ли какое-то произведение или событие, которое смело можно отнести к такой «оттепели»?

Н.И. Кузнецова: Знаете, «Один день Ивана Денисовича» хотя и был опубликован в «Новом мире», но читался и понимался почти как «самиздатовский». А я вот помню совершенно очаровавший меня «Матренин двор» Солженицына (кто теперь вспоминает этот небольшой рассказ?). Там есть такая пронизательная строчка: «Что-то начинало уже страгиваться...». Что такое это «что-то»? Начинала возвращаться подлинная литература, толстовского и чеховского уровня. Как очаровал нас рассказ И. Грековой «Дамский мастер»! Быстро разгадали псевдоним – «игрек» (символ чисто математический) был использован для псевдонима Елены Сергеевны Венцель – известного советского математика, специалиста по теории вероятности. Это ее зарисовка «ни о чем» так напоминала теплые и грустные рассказы Чехова! В то время меня совершенно потряс белорусский писатель Василь Быков, его «Сотников», тоже публикация в «Новом мире». Повесть, ничем не похожая на свою будущую экранизацию «Восхождение» Ларисы Шепитько Эта трагическая вещь звучала как произведение философского экзистенциализма, который в словарях того периода еще обзывали «крайне реакционной формой субъективного идеализма». А Жан Поль Сартр, один из основоположников экзистенциализма, именовался «французским наймитом американского империализма»... (где только такие обороты выпекали?!). Много лет спустя в одном из интервью Василь Быков признался, сколь сильное впечатление на него произвели пьесы Сартра (имелся уже перевод на русский), а также его знаменитое эссе «Экзистенциализм – это гуманизм» (основано на лекции, прочитанной им для студентов Сорбонны в 1945 г). Тот факт, что я, студенткой желторотой, это влияние сразу угадала и почувствовала, означало – «что-то уже начало страгиваться».

Сказать, что в философской литературе было что-то аналогичное, после чего ты начинал «дышать по-новому» гораздо труднее. Хотя уже появились работы Эвальда Ильенкова, а он писал необычно, страстно, по-писательски. Он защищал докторскую диссертацию с колоссальным

¹ Источником цитаты Маркса является письмо, написанное в 1882 г. Ф. Энгельсом Э. Бернштейну (Маркс, Энгельс, 1964, с. 324). В СССР ставшая крылатой фраза была широко известна, прежде всего, из биографии К. Маркса, подготовленной Ф. Мерингом и опубликованной на русском языке в 1920 г. (Меринг, 1920, с. 427).

трудом, в пылу ожесточенной полемики, которая шла на Диссертационном совете Института философии АН СССР. Эвальд Васильевич – типичный гегельянец, он не скрывал своего пристрастия к немецкому классическому идеализму. В то время работал Московский методологический кружок (ММК) Георгия Петровича Щедровицкого, в размышлениях и философских ориентирах которого Гегель оставил очень заметное место. И Щедровицкий, и его неформальный учитель Александр Александрович Зиновьев были просто заморожены «методом восхождения от абстрактного к конкретному». В своей кандидатской диссертации Зиновьев восторженно писал (а щедровитяне, получая машинописную рукопись этой диссертации, должны были изучить ее в обязательном порядке): «Среди выдающихся образцов научного мышления особое место занимает «Капитал» Маркса. В нем классического совершенства достигло диалектическое мышление, мышление, раскрывающее условия возникновения и существования предмета, его внутреннее строение, взаимодействие его сторон, законы и их проявление, противоречия и их разрешение, изменение, развитие, короче говоря, – диалектику предмета. Кроме того, в нем детально зафиксирована работа ума исследователя по раскрытию диалектики предмета»².

Ранние работы Щедровицкого и Зиновьева были смелой и азартной попыткой «расколдовать» этот метод, выразить его в доступном, отчасти формальном языке схем и понятий. Я уж не говорю, что у Эвальда Ильенкова, очень почитаемого философской молодежью, тоже была книга по такой тематике: «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса» (Ильенков, 1960)³. Все историко-философские публикации Ильенкова (о Декарте, Спинозе и т.п.) в каком-то смысле гегельянские. Он вообще взглянул на классическую историю европейской философии по-гегелевски и это была совсем не та история философии, которую нам преподавали по так называемой «Серой лошади». Забавно, что третий том этого учебника основная часть которого посвящена «немецкому классическому идеализму», был запрещен в 1980-е гг. Я из любопытства выкупила этот том в букинистическом магазине. И, конечно, совершенно не поняла, что крамольного и неблагонадежного там содержится: обычное «разоблачение» идеализма во всех его проявлениях – и Канта, и Фихте, и Шеллинга, и Гегеля – всех под «одну гребенку». А они такие разные!

В одном из интервью Нелли Васильевна Мотрошилова говорила, что собрание сочинений Гегеля называли «Чернокнижие». Как Вы думаете, с чем это связано? Сейчас вряд ли смогут дать такое прозвище.

Н.И. Кузнецова: Студенческий сленг всегда может приводить в ужас и трепет людей старшего поколения, доводя даже до слез. Но в основе

² Рукопись диссертации А.А. Зиновьева была издана в качестве монографии и доступна широкому читателю (Зиновьев, 2002).

³ В 1997 г. была опубликована новая версия упомянутой монографии Э.В. Ильенкова, в аннотации к которой сообщалось, что издание 1960 г. было неполным и подверглось жесткой цензуре (Ильенков, 1997).

своей это совершенно невинные шуточки. Почему «Чернокнижие»? Это доступное студентам нашего поколения издание собрания сочинений Гегеля, где тома настолько темно-синего цвета, что кажутся черными. Попробуешь читать вслух? – похоже на бормотание мага или колдуна алхимического времени. А что есть «Серая лошадь»? – Три тома серого цвета по истории европейской философии, которые служили основным и незаменимым пособием для подготовки к экзаменам. Очень «терпеливый» и «выносливый» учебник (там про все-все-все можно найти!), он никогда не подводил прилежного студента. По-моему, очень признательно-благодарный и даже ласковый ярлычок.

В 1960-е гг. многие идеологические запреты или вовсе пропали или ослабели, и букинистическая торговля буквально расцвела! По этой причине я лично могу назвать мои студенческие годы весьма голодными. Сумма, которую мне полагалось истратить за неделю (10 рублей), как правило, заканчивалась уже в понедельник, максимум во вторник. Как это происходило? Торговцы философской букинистической литературой стояли у нас во дворике на Моховой около философского факультета и соблазняли таких, как я, книгоманов. Они продавали, в частности, «чернокнижные» тома из собрания сочинений Гегеля 1935–36 гг., которые я, не выдерживая искушения, приобретала. Торговаться даже не пыталась – кругом «конкуренты»! Добывала я сразу несколько книг: а вдруг на следующий день торговцы не появятся?! Это удовольствие стоило не дешево: скажем, день я могла прожить на один рубль, а один том Гегеля стоил рубля полтора, а то и два. Пять-шесть книжек – и недельная сумма на пропитание исчезает... Первые тома – абсолютно потрепанные с пожелтевшими страницами, а вот «Феноменология духа» была издана на хорошей бумаге с хорошим шрифтом, видимо, готовилась позже. В то время уже вышел шеститомник Канта (первое советское издание), но я, второкурсница, даже не осознала своего счастья. Выкупать у букиниста втридорога не пришлось, можно было сразу купить достаточно просто, если ты знаешь «места». А вот Гегеля пришлось выкупать на мои весьма скромные доходы, лишая студенческого обеда и ужина на несколько дней.

Почему все-таки – «Серая лошадь»?

Н.И. Кузнецова: Студенты по этому учебнику готовились к экзаменам по истории философии. Я уже говорила: три тома в светло-серой обложке (они у меня стоят на полке как иногда необходимый справочник) (См. подробнее: История философии, 1940; История философии, 1941, История философии, 1943). Про античную философию писали замечательные специалисты переводчики классических текстов, – такие как М.А. Дынник, В.Ф. Асмус, А.О. Маковельский и другие. В подготовке учебного пособия принимали участие наши лучшие на тот момент историки философии, которых трудно упрекнуть в невежестве или недобросовестности. Тем не менее, в целом это был кошмарный текст, потому что ключевая, сквозная его идея – «борьба материализма с идеализмом» и «диалектики» с «метафизикой». Такая «борьба» усматривалась, у Фалеса, Гераклита

Демокрита, Парменида, у всех поголовно. Довольно забавная казуистическая игра: в четырех сохранившихся фрагментах Фалеса (в каждом из которых буквально 3-4 фразы) следовало усмотреть «борьбу материализма с идеализмом», а также попытки мыслить диалектически. Такое надо уметь, искусство подобного «усмотрения» давалось не просто. Мы, студенты, стремились вникнуть в цитаты древнегреческих мыслителей, которые приводились в первом томе «Серой лошади». Скажем, мы были совершенно поражены парадоксальностью учения Парменида о неподвижном бытии. Фрагменты из Парменида и его ученика Мелисса можно было найти только там (для нас это прикосновение к оригиналу, хоть и в переводе). Только позже появятся книги с тщательно реконструированными текстами досократиков которые действительно позволяли хоть краешком глаза заглянуть в далекую эпоху философии античности.

В «Серой лошади» была представлена в качестве объективного историко-философского процесса борьба материализма с идеализмом, доведенная до абсурда. Характерна ситуация по анализу философии Милетской школы: поскольку Фалес сказал: «Всё из воды», он – материалист, уже с Анаксимандром, который говорил об «апейроне» (нечто «беспредельное»), дело обстоит сложнее. А вот Анаксагор с его «нусом» (νοῦς – мысль, разум, ум) – явный идеалист. Обучение такому «анализу» начиналось на философских факультетах всего СССР с первого курса, да и во всех других вузах, если там упоминали что-то об истории европейской философии. «Линия Платона» – идеализм, «линия Демокрита» – материализм, так учил Владимир Ильич Ленин, и усвоить эти «линии» следовало крепко-накрепко. История философии в целом – это есть развитие во взаимной борьбе двух указанных «линий». Прибавлю, что в последние десятилетия, когда цензура по этому предмету исчезла, начались у историков философии настоящие «детективы» по розыску корректных характеристик мировоззрения античных мыслителей (Корнеев, 2010).

У меня ситуация сложилась довольно интересная и счастливая. Уже на первом курсе мне страшно повезло, потому что с политэкономией капитализма нас знакомила замечательный человек и преподаватель, экономист Вероника Александровна Андриевская⁴. Она предложила проводить постоянный семинар, разбирая «Капитал» Маркса. И сказала: тот, кто рисует (воспроизводит) на большом листе ватмана логику «Капитала», тот получит «отлично» без вопросов. Именно во время посещения этого семинара и работая над визуальным конспектом, я действительно влюбилась в Гегеля и стала единственной в группе, кто сумел воспроизвести логику главного труда Маркса. В это же время появились книги, посвященные тому, как изучать «Капитал» Маркса, в частности, двухтомник Марка Моисеевича Розенталя (Розенталь, 1967). Именно его советы помогали воспроизводить тот самый «метод восхождения от абстрактного к конкретному», показывая одновременно, что только так можно прочитать

⁴ В.А. Андриевской (1925–2005) посвящена огромная книга с воспоминаниями и словами благодарности (Вероника Андриевская, 2016)

«Капитал» и увидеть его смысловое построение. Позднее я неоднократно говорила своим слушателям (несомненно, с нулевой пользой), что «Капитал» – не просто экономический трактат, это, как часто отмечали западные биографы Маркса – удивительное произведение, очень красивая, сложная симфоническая мелодия. Наши комментаторы, типа Розенталя, сумели показать: мелодия вполне доступна и даже может быть визуализирована. Мне повезло, я убедилась в этом, благодаря заданию Вероники Александровны. Если бы пришлось готовить просто конспект по тексту Маркса, никакого эффекта не было. А пособие Розенталя появилось позднее, и я сумела его оценить в силу собственного опыта.

Итак, в чем же секрет этого замечательного произведения? Марксу надо было описать огромную, сложную, многофакторную систему общественных и производственных отношений современного ему общества, всех компонентов социума, который именуется «капиталистический способ производства». Как это сделать? С чего начинать? И в современных учебниках такой вопрос стоит. Оказывается: согласно «методу восхождения от абстрактного к конкретному», необходимо найти «клеточку» – простейший феномен, который воплощает простейшее отношение своих компонентов, но способный входить в противоречие внутри себя и порождать новый феномен. Так в живой природе из клетки мало-помалу формируется организм. Кстати, тот факт, что онтогенез (развитие индивида) некоторым образом (т.е. по-гегелевски, в «снятом виде») «воспроизводит» филогенез (общее развитие вида) было одним из распространенных доказательств реальности действия диалектики в природе.

«Капитал» Маркса начинается с анализа товара, первая фраза гласит (привожу по памяти): «Товар есть единство потребительной и меновой стоимости». Далее «потребительная стоимость» автора не интересует, он рассматривает, что происходит с меновой стоимостью. То, что очень нужно потребителю, то дороже, но если чего-то произведено много, товар дешевеет. Это всем известно из житейского опыта. Следуя за автором, мы попадаем в «игры обмена», которые рано или поздно порождают всеобщий эквивалент. Всеобщий эквивалент для обмена – это деньги. Появляется схема обмена товара, обмен, который реализуется через посредник, т.е. деньги: Т–Д–Т. Так появляется схема «товар-деньги-товар», а затем «деньги-товар-деньги», где Д–Т–Д', т.е. деньги не простые, а с прибавкой. Иначе говоря, появляется феномен «прибавочной стоимости» главная тайна капиталистического способа производства. Появляется на ваших глазах, это просто фантастика! Здесь история совпадает с логикой. В этом сила использованного метода «восхождения от абстрактного к конкретному», опьяняющая красота процесса, который ты наблюдаешь, если сумеешь исполнить, и ты воочию видишь, что в истории, несмотря на все случайности, присутствует имманентная логика развития.

На втором курсе моей студенческой жизни я стала участником Московского методологического кружка (ММК) под руководством Георгия Петровича Щедровицкого, и я была хорошо подготовлена ко всяким

схематизациям, характерным для щедровитян, поскольку Андриевская толкнула меня на путь построения схем. В 1960-е гг. мы просто «прилипли» к такому способу мышления, это то, что Георгий Петрович справедливо и точно называл «*схемой псевдогенезиса*». Исследование чего бы то ни было начиналось с поиска «клеточки», в которой скрываются важнейшие компоненты для развития. И это был диалектический метод на самом деле! Он, как представлялось, ухватывал сразу две стороны процесса (особенно когда речь шла о науке) – собственно историческую и имманентно рациональную логическую.

Поэтому не удивительно, что сектор, который создал Бонифатий Михайлович Кедров в ИИЕТ, назывался – «*История науки и логика*». Мы искали (или хотели искать) логику развития науки, которая проявляется в историческом движении науки. Это очень сильная программа исследований, программа, конечно, не чисто гегелевская, но преобразованная Марксом. Классики марксизма своеобразно говорили о Гегеле: у него, мол, диалектика «стоит на голове», а нам надо ее перевернуть и «поставить на ноги», на землю, потому что речь идет о процессах и вещах реального мира, а не о каких-то мыслях или процессах мышления.

Отсюда вытекает вопрос, поскольку для советской философии были важны работы Маркса, Энгельса и Ленина, могли бы Вы прокомментировать роль Гегеля и его построений в их философии?

Н.И. Кузнецова: Мы, будучи студентами философского факультета, обязаны были изучить марксизм-ленинизм предельно детально, предельно глубоко, чтобы потом нести его в массы, поэтому добросовестно приступили к освоению этого наследия. Надо сказать, что наши герои – Маркс и Энгельс были блистательными стилистами и неординарными мыслителями XIX столетия и вот здесь надо было остановиться: «Блистательные мыслители XIX столетия», да, конечно! Однако мы не должны были так говорить, ограничиваясь XIX веком. Нам говорилось, что классики творили на века, на все последующие столетия. Дело в том, что стилистическая свежесть, с которой писали и Энгельс, и Маркс, бодрила, смешила, это тоже был глоток свежего воздуха. Будете удивлены, но это было похоже на чтение самиздата: настолько они писали беспощадно, хлестко, фельетонистично. Гораздо позже я поняла, что, по крайней мере, в молодости Маркс и Энгельс резвились в желании разоблачить «пошлое и меркантильное» общество, в котором они живут, этот обрыдлый капитализм, который всех за горло держит. На самом деле они не пародируют, а только подражают (в высоком смысле слова) Людвигу Фейербаху. Но это я увидела очень скоро, когда встретила фразу Фейербаха «Человек есть то, что он ест». Я была уверена, что такую фразу предложил Энгельс, либо Маркс. Они любили игру слов и могли так сказануть. А это – Фейербах! И видно, как наши классики, еще почти журналисты, а не мыслители, с сарказмом, иронией, очень тонким остроумием начинают писать собственные обличительные статьи, этакий вариант, как сегодня говорят, «культуркритики». Маркс, конечно, на этом не останавливается, он становится ученым-теоретиком.

Энгельс, что называется, был «на подхвате» у своего друга. Он материально поддерживал друга, пока тот работал над первым томом «Капитала», позднее погрузился в рукописи Маркса, незаконченные два тома, редактировал их, готовил к печати и, наконец, опубликовал.

Пример такой верности, такой дружбы производит сильное впечатление, однако второй и третий том стилистически не так совершенны, как первый. Нет сомнений, что первый том «Капитала» – это неповторимый шедевр!

Как наши классики относились к Гегелю? Диалектику они учили «по Гегелю», хотя Фейербах как критик гегельянства на них повлиял. Повлиял своим трезвым остроумием, умением перевернуть привычную философскую тему – например, увидеть сущность христианства не в небесах, а здесь, «на земле» (См. об этом подробнее: Фейербах, 1965). Увидеть суть «потустороннего» в «посюстороннем» мире – было сильной интеллектуальной революцией. Марксу удалось, благодаря глубокому освоению гегелевской диалектики, спустить ее из мышления Объективного Духа в социальную реальность, раскрыть природу «капиталистического способа производства».

У меня нет сомнений, что никакого учебного времени не хватит, чтобы прочитать всего Гегеля, всего Канта, Фихте и Шеллинга, и даже все важные работы Маркса и Энгельса. Однако очень сожалею, что при сегодняшнем знакомстве студентов с Марксом, они даже не пытаются читать «Капитал». Этот текст рассказывает о Марксе гораздо больше, чем любая другая его работа. Рассказывает и о философских взглядах, и о том способе мышления, в котором главенствует «метод восхождения от абстрактного к конкретному». Никакие новейшие достижения экономической теории не могут отменить этой классической базы: это как ньютонова механика, ее можно переписать на языке новой математики, но не отменить.

Однако должна оговориться: студент философского факультета моего времени все-таки был вдохновлен не столько методом Гегеля, сколько другой задачей – имелась достаточно большая группа студентов философского факультета, которые мечтали создать новую систему категорий. Ну, как иначе? Философ, говорят нам, мыслит предельно широкими категориями, универсалиями. Гегелевская система, конечно, хороша, но время берет свое, категории возникают и умирают, развиваются, следовательно, надо создавать какую-то новую систему категорий. Некоторые на этом поприще «системосозидания» даже преуспели, это была модная тема, и я знаю несколько монографий, написанных в таком ключе, очень неинтересных. По-моему, это тупиковый путь для философа.

Мне, как уже говорилось, повезло: я рано познакомилась с Георгием Петровичем Щедровицким, стала участником его Кружка. Фантазии о системе категорий улетучились, но сохранилось восхищение методом «восхождения от абстрактного к конкретному».

Перед тем как перейти к Московскому методологическому кружку, напомню о том, что Вы еще не упомянули: что же думал про Гегеля В.И. Ленин?

Н.И. Кузнецова: Владимир Ильич отдавал ему должное. Совершенно очевидно, когда были опубликованы «Философские тетради», что это

были просто конспекты Гегеля. Было видно, что Владимир Ильич был поражен, вникая в богатство диалектики Гегеля. Как только ты начинаешь учить диалектику по Гегелю, тебе кажется, что он вообще умнее всех материалистов вместе взятых. Сразу всех! Если вдруг потом Владимир Ленин решил бы написать философский трактат, мне кажется, что у него рука бы не поднялась разделаться с Гегелем так, как он это сделал по отношению к позитивистам, которых разоблачал в «Материализме и эмпириокритицизме». Впрочем, история устроила так, что Ленин был, безусловно, и почитателем, и оппонентом Гегеля в том смысле, что диалектику надо было истолковать материалистически. Мы этим очень пользовались: где надо было процитировать Владимира Ильича, а не Энгельса или Маркса, там пользовались «Философскими тетрадами», так как здесь встречалось много красивых, разумных, вдумчивых фраз. Хотя, шутили студенты, основная категория философских исканий Ленина – «Nota bene» (NB), «нота бене», ведь это был конспект.

О роли Гегеля в университетском курсе философского факультета мы уже говорили, а какую роль играли работы Гегеля в ММК?

В ММК непосредственно Гегелем, конечно, никто не занимался. Но по многим причинам я могу уверенно сказать, что сам Щедровицкий был гегельянцем высшего разряда. Прежде всего, потому что он абсолютно верил в Разум, верил, что Разум победит всегда. Помню, как уже в 90-е гг. Щедровицкого спрашивали, почему он так верит в рациональность, а как же «философия жизни» которая еще в XIX столетии «победила» гегелевскую систему, отказалась от признания рациональности как основы человеческого мироустройства. Он отвечал твердо: «На Разум и рациональность может пройти мода, но мода пройдет, а Разум останется». Он в это верил, с этим жил и воплощал такой принцип, даже когда выглядел абсолютным Дон Кихотом. А это бывало часто в житейском смысле слова. В таком плане он был истинный гегельянец.

Расскажите о гегелевских семинарах, в которых Вы участвовали.

Н.И. Кузнецова. Могу рассказать об этих семинарах, теперь уже как о факте своей личной биографии. Будучи участником ММК, я сблизилась и познакомилась со многими неординарными людьми. Появился друг, несколькими годами старше меня, – студент философского факультета МГУ Юрий Николаевич Серов. Одна из первых моих публикаций «Об изучении развития научного знания» написана с ним в соавторстве. Это было в 1974 г. Все, кто учился в то время, часто с болью вспоминают талантливого молодого человека, но судьба так сложилась, что он покинул философию и вообще интеллектуальное поприще. Но тогда ничто не предвещало такого поворота. Моей близкой подругой была сотрудница нашего ИИЕТ Оксана Даниловна Симоненко, тоже участник ММК. И вот мы втроем собрались на квартире у Оксаны Симоненко на Соколе, где организовали домашний семинар. Цель была скромная – самообразование. Лидером был Юра Серов, и он сразу сказал: «У нас будет гегелевский семинар».

Так появился гегелевский семинар номер один. Слух не резало, потому что было видно: лидер наш – гегельянец до мозга костей (не важно, что материалист). Более того, мы начали изучать «Феноменологию духа» Гегеля, просто раскрыли книгу, стали читать и анализировать. Книга любого завораживала! Действительно, необыкновенная философская работа. Считается, что это раннее произведение Гегеля (публикация 1807 г. в Йене, при этом автор заканчивал работу под доносившиеся звуки Йенского сражения, что очень романтично) содержит всю его систему абсолютного идеализма. В это можно поверить, здесь как бы содержится все то, что потом будет разворачиваться в многочисленных томах его «Черно-книжия». Это первое. Второе: в Предисловии Гегель писал: **«Всё дело в том, чтобы понять и выразить истинное не как субстанцию только, но равным образом и как субъект»**. Что бы это значило? То, что вроде лежит на поверхности, но никак не становится основанием для понимания тайны объективности знания. А именно – каждое знание о том, что *существует вне меня*, является все-таки *феноменом сознания*, другого нам не дано. Если хочешь понять, что есть знание о вещах вне меня, нужно уметь анализировать собственное сознание.

Позднее «Феноменология духа» пережила свое второе рождение, была прочитана в совершенно новой рецепции (на нашем гегелевском семинаре мы про это еще не ведали). Когда во Франции в середине XX столетия «Феноменологию» переосмыслил Александр Кожев (*Alexandre Kojève*), оказалось, что эта гегелевская работа может лечь в основу особого типа экзистенциальной философии. Вот такому повороту Владимир Ильич, вероятно, жутко бы удивился! Заметим, что Александр Владимирович Кожевников (1902–1968) – россиянин, юношей эмигрировал из Советской России в 1920 г., учился философии уже во Франции, стал одним из наиболее влиятельных европейских интеллектуалов своего поколения. Его лекции по «Феноменологии духа» были прочитаны в Париже в 1930-е гг., и их посещали самые видные философы и политологи Франции. Так что такая смелая попытка новой рецепции знаменитого гегелевского текста принадлежит опять-таки человеку из России. Истолковать такой неожиданный поворот интерпретации в сторону экзистенциализма можно без труда: повествование о том, что происходит в истории субъективного духа, о том, как происходит мое личное духовное становление, через какие противоречия оно развивается – бесспорно, это касается абсолютно всех человеческих существ! Само повествование разворачивается тем же методом «восхождения от абстрактного к конкретному»: вот что-то простое, внутри есть противоречия, возникает имманентная динамика по его преодолению, появляется следующий феномен, который «снимает» исходное противоречие, но внутри возникшего феномена развивается очередное противоречие, и происходит следующий шаг развития. Таково осмысление истории развития субъективного духа.

Почему именно «феноменология»? Потому что идет работа с феноменами сознания. Да, совсем не похоже на то, что позднее будут называть

феноменологией Гуссерль, Хайдеггер. Меня это не волновало. У меня зародился сюжет дипломной работы «Теория знания как элемент философской системы (на материале «Феноменологии духа» Гегеля)», которая позднее получила высокую оценку экзаменационной комиссии МГУ. С моей точки зрения, эта работа Гегеля была теорией знания. Дипломная моя получилась какой-то неожиданной даже для меня самой, я сейчас ее воспринимаю с удивлением, но таково было охватившее меня вдохновение.

Таким образом, гегелевский семинар номер один под руководством Юры Серова, привел меня к теме дипломной работы. На защите мой оппонент, будущий декан философского факультета (тогда еще старший преподаватель) Александр Владимирович Панин (1936–2021) озвучил крылатую фразу: «Дипломная работа очень интересна, потому что наследие Гегеля – как чемодан без ручки, не знаешь что делать: и нести неудобно, и бросить жалко». Другой оппонент, впрочем, ехидно заметил: «Изобразить «Феноменологию духа» в виде радиосхем мог предложить только Щедровицкий, и такому искусству Кузнецова, несомненно, научилась». Как ни странно, схематизация смысла, мною проделанная, оппонентам явно понравилась.

А как к этой работе отнеслись в ММК?

Н.И. Кузнецова: Через два года после защиты дипломной по поручению Учителя, т.е. самого Георгия Петровича, я делала на заседании Кружка доклад «От Фихте к Гегелю». Тематически, по материалу, это было как бы логика развития после Канта немецкой философии до Гегеля включительно. Меня быстро остановили многочисленными вопросами, я отбивалась, как могла. Не удалось полностью воспроизвести всю построенную схему, но участники дискуссии собрали неплохой «урожай»: обрели так называемый «Рожок Кузнецовой». «Рожок» получился, когда я схематизировала общую идею доклада, изображала на доске то, что хочу продемонстрировать своим рассказом. Сейчас мне бросается в глаза, что та схемка как-то странно похожа на концепцию Имре Лакатоса в его «методологии научно-исследовательских программ». Он выделил в программе научных исследований «жесткое ядро» и «защитный пояс», который состоит из серии теорий, не позволяющих уничтожить «ядро», несмотря на выдвигание опровергающих фактических данных. У меня тогда получалась такая картинка: у Фихте, мол, была очень сильная идея (деятельного разворачивания Разума), но построены очень слабые представления о процессе. А вот у Гегеля, напротив, очень хорошо развита система представлений, но сама идея уже ослабла, выдохлась. Как говорили наши университетские учителя: «система Гегеля пришла в противоречие с его собственным методом (диалектического развития)». Из моего рисунка на доске получился «рожок», который до сих пор обсуждают некоторые щедровитяне как некоторую правдоподобную методологию. К самому тексту дипломной работы мой доклад не имел никакого отношения, я только пользовалась эрудицией, накопленной при его написании. Таков довольно странный, но очень увлекательный период первого гегелевского семинара.

Формальным научным руководителем Вашей дипломной работы был Николай Федорович Овчинников и, как мне известно, с его именем связан еще один гегелевский семинар, который Вы посещали во время работы в ИИЕТ?

Н.И. Кузнецова: Да, это гегелевский семинар номер два. С удивлением я стала вспоминать, сколь долго Гегель меня сопровождал. Кажется, семинар начал работать осенью 1969 г. и проходил на квартире у Овчинникова на улице Вавилова. Как обычно в те годы возник «квартирник», на котором было предложено читать и обсуждать «Философию природы».

«Философия природы» – это попытка выявить категориальный строй естествознания, прежде всего, физики. К участию в семинаре были приглашены два-три молодых физика, студенты и аспиранты. Сам Николай Федорович по образованию физик, следил за развитием новейших физических теорий. Один из приглашенных – Володя Мансуров, с ним мы в то время познакомились и подружились. Владимир Николаевич Мансуров позднее защитил кандидатскую диссертацию по физико-математическим наукам, не остался работать в сфере философии физики. Он искренне увлекался «Философией природы», утверждал, что Гегель в своем категориальном построении ухватил реальную логику динамики классических физических теорий и, возможно, подсказывает идеи для предсказаний будущего развития. Слышать такое от практикующего физика было очень странно, поэтому крайне интересно. Как я могла представить, что природа сама по себе есть **инобытие категорий мышления**?! После щедровитянского воспитания в духе реализма это было невозможно. Но то, что логика развития физических теорий как-то отражалась в гегелевских построениях, тоже невозможно отрицать. Такова магия гегелевской диалектики. Всегда оказывалось, что в наблюдениях Гегеля за историческим развитием физических теорий, а в дальнейшем – гражданской истории, развития права, истории философии – есть категориальное, рациональное движение, демонстрируется имманентная логика развития системы. Иной раз Гегель делает поистине гениальные замечания, такие точные и полные реального смысла, что их хочется воспроизводить в качестве эпиграфов. Хотя вся моя земная природа протестовала! Смотреть на природу как **инобытие Идеи**? Видеть в истории человечества **инобытие Идеи**? Да **КТО** же это все мыслит?? С одной стороны, «удваивать» мир не хотелось. Но с другой стороны, – как хорошо получается воспроизведение **имманентной логики развития** того или иного объекта. Просто загадка!

Вы назвали Щедровицкого гегельянцем, а можно ли назвать гегельянцем Овчинникова? Или он был осторожен?

Н.И. Кузнецова: Николай Федорович был всегда осторожен в определении философских позиций (что отражало реальность тех времен), но он был очень культурный человек, и его исходная установка гласила: «**Надо понять**». Понять каждого, понять, даже если нечто выглядит чем-то несусветным. В сообществе физиков царит глубокое убеждение, что в смене физических теорий присутствует строгая логика, четкая рациональность, уж

чего-чего, а там рациональные критерии смены теорий могут быть сформулированы, есть методологические принципы, есть четкие правила принятия или отвержения теорий. Никакой «отсебятины»!

Именно этот стиль Николая Федоровича: понять, даже если это не сразу влезает в мозги, было сильной стороной его семинара. От некоторых фраз «Философии природы» мне становилось не по себе. Например, в параграфе 302: **«Звук есть смена специфической внеположности материальных частей и ее отрицания, – он есть только абстрактная или, так сказать, только идеальная идеальность этой специфичности»**. Поппер, не скрывая раздражения, называл это тарабарщиной. Я тогда Поппера не знала, но гнев мой был такого же рода. Зачем же силиться это понимать? Не надо ли просто выкинуть? Вот уж, действительно, «чемодан без ручки...» А как выкинуть, когда в развитии категорий, как Гегель показывает, все логично. Вот проблема! Тарабарщина никуда не уходит, и что нам с этим делать? Где-то и как-то мы в любом случае будем искать рациональную связь между сменяющимися друг друга теориями и воззрениями. Логика развития науки, логика смены теории, собственно, и была основным предметом обсуждений. Хотя в своеобразной форме, через гегелевские тексты.

На семинаре пользовались моей книгой, которая сейчас превращается в пыль, бумага желтая, буквы потертые, но в этом – особый аромат, какая-то магия... Будто Гегель оставил «книги Просперо», какие-то зашифрованные предсказания относительно будущего развития квантовой механики, теории относительности. Молодые физики очень ловко усматривали эти прозрения! Во всяком случае, в процессе таких дискуссий я поняла, что к рассказу о любой новой физической теории можно найти элегантный эпиграф именно у Гегеля, в «Философии природы». Что-то необъяснимо гениальное в этом тексте определенно просматривается!

Чем все-таки завершился гегелевский семинар Овчинникова?

Н.И. Кузнецова: Второй гегелевский семинар был разрушен абсолютно внешними обстоятельствами – нелепым социальным приключением, которое случилась с Николаем Федоровичем. Физикам, которые с нами сотрудничали, надоело играть в магическую игру, да и я отчаялась найти разумные объяснения для процессов развития научных теорий.

Однако тут же возник гегелевский семинар номер три. В то время я, как прилежная ученица Щедровицкого, должна была сформировать собственный домашний семинар (опять же в виде «квартирника»), чтобы убедиться в том, что стала полноценным, квалифицированным членом ММК и могу транслировать навыки семинарской работы, компетенции, как сейчас бы сказали, рациональной дискуссии. Цели и задачи я должна сформулировать самостоятельно. Я решила поставить скромную педагогическую задачу – подготовить нескольких молодых людей для восприятия воззрений ММК, а также более широко для работы в области философских исследований, не ограничиваясь только интересами Кружка. Образно выражаясь, я понимала свой семинар как инкубатор, на котором

выращивают «мальков» и из которого подростки, окрепшие «мальки» отправятся в собственные плавания. Думаю, это было усвоенная от Георгия Петровича идеалистическая установка, что работать надо для воспитания мышления, которое само по себе не формируется, без специальных тренировок мгновенно разрушается. Георгий Петрович часто цитировал красноречивую фразу копенгагенского лингвиста Ханса Йоргена Ульдаля: «Мышление встречается крайне редко, как танец диких лошадей в природе. Как возникает непонятно, и без тренировок мгновенно исчезает». Это стало моей жизненной аксиомой: «недоумие» убийственно для человечества, но мышление не всем дано, его надо постоянно тренировать, оно работает по строгим правилам, хотя и не формализуется полностью.

Итак, в один прекрасный день в начале 1973 г. у меня на Второй Песчаной улице собрались студенты философского факультета, 5–6 человек. Разница в возрасте у нас минимальна (4–6 лет). Главным предметом, который мог интересовать всех собравшихся, была история философии. А где история философии, там опять гегелевский семинар! Так он и назывался для всех участников: гегелевский семинар по истории философии. Собирались раз в неделю, иногда 10–12 человек, работало «сарафанное радио», а я не вмешивалась в «подбор кадров» и никого специально не отбирала. Обсуждали то, что было нужно по каким-то причинам для одного из собравшихся. Когда доклада никто не подготовил (что бывало частенько), выступала я сама, со своими темами. Как руководитель методологического семинара я твердо усвоила: методолог должен обсуждать то, в чем нуждаются исследователи. Следовательно, методолог должен уметь работать на чужом эмпирическом материале. Поэтому ничего никому не навязывала, общего проекта у семинара не было. На сей раз мы не стали изучать «Лекции по истории философии» Гегеля из доступного нам «Чернокнижия», а просто отважно двинулись в построение собственных реконструкций.

Одна из первых наших тем – знаменитый в истории европейской философии XVII столетия спор Локка и Лейбница (сенсуализма и рационализма). Типичная антиномия: один (Локк) в своем «Опыте о человеческом разумении» утверждал: «*в рассудке нет ничего того, что не было бы в чувствах*», (сенсуализм), а Лейбниц в своем трактате «Новые опыты о человеческом разумении» ответил: «*в рассудке нет ничего того, что не было бы в чувствах, кроме самого рассудка*» (рационализм). Гениально простое, ясное и убийственное возражение! Замечу, это была реальная полемика (правда, разнесенная во времени, в трактатах, не дискуссия в прямом смысле слова). Вопрос: как преодолевается такое противоречие, когда и как появляется решение, которое знаменует шаг развития? Конечно, можно было использовать гегелевскую схему диалектики: «*тезис (Локк) – антитезис (Лейбниц) – синтезис (Кант)*» но мы это отбрасывали как «прошлый век».

Реконструкция этого классического спора в философской гносеологии на семинаре длилась довольно долго, поскольку искали средства, чтобы ее адекватно воспроизвести. Бросается в глаза, что нас интересовала не

историческая точность того, что именно сказал Лейбниц, что сказал Локк, кто и как, скажем, переводил классические тексты (тут расхождений мы насчитали изрядное количество). Мы пытались постичь рациональную логику этого спора, а именно – какие аргументы появляются в ответ на какие возражения или какие выдвигаются контрпримеры. К тому времени я была увлечена работой И. Лакатоса «Доказательства и опровержения» (Лакатос, 1967), я ее освоила, и появилась идея: выявить исходное утверждение Локка, к нему подобрать локальный или глобальный контрпример со стороны Лейбница. Именно так продвигалась и укреплялась взаимная аргументация обеих сторон. Можно сказать, что мы уже и Лакатоса интерпретировали по Гегелю или, напротив, Гегеля по Лакатосу. Впрочем, Лакатос, в отличие от нас, «преодолевающих» гегелевскую диалектику, слово «диалектика» употреблял и вовсе его не стеснялся.

Надо сказать, что гегелевский семинар, который в те времена у меня собирался, «выпустил» целый ряд статусных сегодня философов, отличных специалистов в истории философии. Анатолий Александрович Яковлев вскоре защитил кандидатскую диссертацию по историко-философской концепции Коплстона. Имя Фредерика Чарлза Коплстона теперь широко известно: один из самых авторитетных британских историков философии, католический священник ордена иезуитов. Последователь Фомы Аквинского, томист. Его книги переведены, их можно купить, скачать. Считается, что Коплстон – наиболее достойный исследователь практически всех разделов западноевропейской философии. Я выступала через несколько лет оппонентом на защите кандидатской диссертации Яковлева. А тогда мы впервые услышали имя Коплстона, узнали что-то только по цитатам, которые докладчик нам приводил. Толя, кстати, – автор превосходной книги о Локке (Яковлев, 2013).

Особенность этого «выпуска» заключается в том, что никто не стал заниматься философией науки, как я. Сфера их интересов – история философии, социальная философия, политология и т.п. Виктория Георгиевна Лысенко – один из наиболее авторитетных у нас историков индийской философии, доктор философских наук, автор многих книг, работает в Институте философии РАН; Владимир Николаевич Амелин работал в МГУ, сейчас в РУДН, автор книг по социологии политики; Наталия Мартэновна Сидорова работает в МГУ, известный и почитаемый студентами преподаватель различных философских курсов. Павел Владимирович Малиновский – видный щедровитянин, очень интересная фигура, создатель Центра социально-стратегических исследований, одного из первых в СССР. Это, как говорится, лучшие выпускники нашего маленького квартирника. Как всегда, «званных» было много, а оставалось мало, однако был сильный такой костяк, обсуждения всегда были яркими и острыми.

В какой мере Гегель сказался на их (да и моем) становлении? Или, скорее, сказалось мое щедровитянство? Трудно дать четкую оценку, но дух Гегеля как-то витал на наших заседаниях, даже если это был дух сугубо критического к нему отношения.

Вообще если говорить о гениальности автора работ по гуманитарной проблематике, то каким критерием для оценки можно воспользоваться? Мне нравится идея Поля Валери, одного из мудрейших людей XX века. Валери (1871–1945) – французский литератор, оригинальный мыслитель, поэт – одним словом, гуманитарий во всей полноте этого слова. Он неоднократно повторял: у текста нет единственного, истинного смысла (Валери, 2020). Помнится, именно он предложил замечательный критерий «гениальности». Автор, чьи произведения вызвали наибольшее количество последующих интерпретаций, должен быть признан «гением», а его произведение – «бессмертным». Если провести очень простые арифметические подсчеты, то победителем окажется Шекспир, а именно – его драма «Гамлет». История о принце Датском – это не просто пьесы в разных постановках, но и оперы, музыкальные произведения, стихи поэтов разных эпох и настроений. С таким критерием трудно не согласиться, но надо признать, что появляются все новые и новые «гении». Например если посмотреть, какие неожиданные и содержательные интерпретации в немецких или японских постановках получили пьесы Чехова, сюжеты которых, казалось бы, основаны на чисто российских реалиях («Вишневый сад», «Чайка», «Анна на шее» и т.п.) то мы должны также признать гением Чехова. То же самое относится к Достоевскому, Льву Толстому. Думаю, Гегель в этом плане безусловно, должен быть объявлен гением. Как ни поворачивали мы ходы его мысли в разные стороны, каждый раз это приносило свои плоды. И процесс не закончен.

В развитии советской философии науки, безусловно, очень долго присутствовали гегелевские идеи. Во-первых, идея диалектического развития всего и вся – науки, мышления, общества, природы обязательно со «скачками», через противоречия. С этим трудно спорить, это подсказывает житейский опыт, здравый смысл. Мышление, преодолевающее противоречие, подключается не всегда и не сразу. Георгий Петрович говорил так: «вообще человек ленив и мыслить без необходимости не собирается, но в его деятельности наступает какой-то «разрыв», тогда просыпается и мышление». Иначе говоря, возникает какое-то противоречие: надо что-то сделать, а не получается. Тут хочешь, не хочешь, а подумаешь, как это сделать». Во-вторых, постоянно идущий в философии науки и техники поиск рациональной, имманентной логики развития таких интеллектуальных феноменов, как наука и техника. Так называемый социальный заказ, который, кажется, определяет появление новаций в науке и технике, ничего не объясняет. Как часто говорил Борис Семенович Грязнов: «Социальный заказ на ковер-самолет, сапоги-скороходы и скатерть-самобранку был сформулирован очень давно – и когда что-то похожее появилось?» Пока нет внутреннего движения к возможности решить такую задачу, ничто не появится.

Постоянно работая преподавателем философии, могли ли Вы заметить почувствовать, как меняется у студентов отношение к Гегелю, начиная с конца 1990х годов? Можно ли заманить молодых людей на семинары, подобные тем, что были у «шестидесятников»?

Н.И. Кузнецова: Траектория интересов резко изменилась! Студентов теперь интересует только то, что пишут и исследуют на Западе. Гегелевская тема звучит исключительно в связи с работами Александра Кожева. Активны у нас какие-то «кантианские штудии», трансцендентализм в моде, поскольку на Западе это бурно развивается. Разумно или неразумно развивается, неважно. В любом случае, если прочитаешь несколько статей – получится удачная дипломная работа, последующие публикации, кандидатская диссертация. Иностраный язык первичен и побеждает все.

Что осталось от классического Гегеля? «Система категорий» больше не волнует. Интерес к построению философских систем вообще исчез, хотя «системное движение» существует, но это не гегелевская систематизация – это что-то другое, совсем иной смысл. Диалектический метод? – Нет, забыли как старенький сон. Три закона диалектики? Ни один студент не может ответить без запинки и подсказки. В целом можно констатировать, что Гегель не в тренде, потому и не интересен. Впрочем, если в курсах по истории европейской философии Гегель вообще не упоминается, это вызывает недовольство. Однако вопрос на выпускном госэкзамене по Гегелю – это настоящее испытание, и мне всегда безумно жалко человека, которому достался такой билет. Например: что такое «историческое и логическое» в системе Гегеля? Коротко и ясно ответить на такой вопрос просто невозможно. Я стремилась задавать вопросы попроще, только проверяя, заглядывал ли человек в гегелевские тексты. Скажу резко: наше отечественное гегельянство просто исчезло, заглохло. Надолго ли, Вы спросите? – до той поры, пока его не «переоткроют» на Западе.

Рис. 2. Н.И. Кузнецова и И.В. Созинов после интервью

Беседу вел И.В. Созинов

Источники и литература

1. Валери П. Эстетическая бесконечность. М.: Колибри, 2020. 475 с.
2. Вероника Андриевская / составитель: В.Н. Жуков. М.: Русский биографический институт: Институт экономических стратегий, 2016. 756 с.
3. Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М.: ИФ РАН, 2002. 321 с.
4. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 285 с.

5. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: Росспэн, 1997. 464 с.
6. История философии: в 3 т. Т. I. Философия античного и феодального общества / под редакцией Г.Ф. Александрова. М.: Политиздат, 1940. 491 с.
7. История философии: в 3 т. Т. II. Философия XV–XVIII вв. / под редакцией Г.Ф. Александрова. М.: Политиздат, 1941. 470 с.
8. История философии: в 3 т. Т. III. Философия первой половины XIX века / под редакцией Г.Ф. Александрова. М.: Политиздат, 1943. 594 с.
9. Корнеев В.В. Детектив с Демокритом // Северный регион: наука, образование, культура. 2010. № 1. С. 130–147.
10. Лакатос И. Доказательства и опровержения (Как доказываются теоремы). М.: Наука, 1967. 152 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Том 35. М.: Госполитиздат, 1964. 525 с.
12. Меринг Ф. Карл Маркс: история его жизни. Пб: Государственное издательство, 1920. 442 с.
13. Розенталь М.М. Диалектика «Капитала» Маркса. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Мысль, 1967. 592 с.
14. Фейербах Л. Сущность христианства. М.: Мысль, 1965. 414 с.
15. Яковлев А.А. Завещание Джона Локка, приверженца мира, философа и англичанина. М.: Издательство Института Гайдара, 2013. 432 с.

References

1. Valéry, Paul. *Selected works translated into Russian*. Kolibri, 2020.
2. Veronika Andrievskaya. Edited by Valerii N. Zhukov, Russkii biograficheskii institut, Institut ekonomicheskikh strategii, 2016.
3. Zinoviev, Alexander A. *Voskhozhdenie ob abstraktnogo k konkretnomu (na materiale «Kapitala» K. Marksa)*. IF RAN, 2002.
4. Ilyenkov, Evald V. *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v "Kapitale" Marksa*. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960.
5. Ilyenkov, Evald V. *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v nauchno-teoreticheskom myshlenii*. Rosspen, 1997.
6. *Istoriya filosofii: v 3 t. T. I. Filosofiya antichnogo i feodal'nogo obshchestva*. Edited by Georgii F. Aleksandrov, Politizdat, 1940.
7. *Istoriya filosofii: v 3 t. T. II. Filosofiya XV–XVIII vv.* Edited by Georgii F. Aleksandrov. Politizdat, 1941.
8. *Istoriya filosofii: v 3 t. T. III. Filosofiya pervoi poloviny XIX veka*. Edited by Georgii F. Aleksandrov. Politizdat, 1943.
9. Korneev, Vitalii V. "Detektiv s Demokritom." *Severnyi region: nauka, obrazovanie, kul'tura*, no. 1, 2010, pp. 130–147.
10. Lakatos, Imre. *Proofs and Refutations: The Logic of Mathematical Discovery* translated into Russian by I.N. Veselovskii. Nauka, 1967.
11. Marx, Karl and Friedrich Engels. *Complete works* translated into Russian, vol. 35. Gospolitizdat, 1964.
12. Mehring, Franz. *Karl Marx. Geschichte seines Lebens* translated into Russian Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1920.
13. Rozental, Mark M. *Dialektika «Kapitala» Marksa*. Mysl', 1967.
14. Feuerbach, Ludwig. *Das Wesen des Christentums* translated into Russian. Mysl', 1965.
15. Yakovlev, Anatolii A. *Zaveshchanie Dzhona Lokka, priverzhentsa mira, filosofa i anglichanina*. Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2013.

Дата поступления статьи: 30.11.2024

Одобрено: 11.12.2024

Дата публикации: 27.12.2024